

Современное гоголеведение: «Восьмые Гоголевские чтения» (Москва, 1-4 апреля 2008 г.)

Статью «О “реализме” Гоголя» Ю. М. Лотман начал словами «Гоголь был лгун»¹, а «ложь» писателя исследователь рассматривал как артистический дар. *Восьмые Гоголевские чтения* в Центральной городской библиотеке – мемориальном центре «Дом Гоголя» в Москве стартовали 1-ого апреля – в день рождения Гоголя и, как многим известно, в день художников-лгунов.

Организаторы *Гоголевских чтений* считают своей задачей представить как можно более широкий спектр подходов к художественному наследию и личности писателя, устроить встречу и предоставить возможность для дискуссии представителям разных исследовательских практик.

На этот раз международная конференция была посвящена теме «Гоголь и его литературное окружение». Название предполагало биографический и историко-литературный контекст изучения гоголевского творчества, однако на конференции были представлены и доклады, в которых личность и творчество Гоголя интерпретировались в теоретическом и философском планах.

Гоголевские чтения – мероприятие настолько большое, что трудно его обозреть полностью, тем более что каждый, соответственно собственным интересам и симпатиям, создает для себя свою версию конференции. Для меня актуальным являлось само состояние гоголеведения, которое на-

шло отражение в прочитанных докладах и в дискуссиях.

В современном гоголеведении, которое уже вышло за рамки литературоведения и часто оказывается в области искусствоведения, философии, психологии, теологии и т.п., можно выделить несколько больших тем. Одна из них – биографическая. Название конференции – «Гоголь и его современники» – не дань моде на документальность. Почти 200 лет прошло со дня рождения писателя, а его жизнь изучена далеко не полностью. С биографической интригующей темой выступил Ю. В. Манн. В докладе под названием «“...Бог не даром сталкивает так чудно людей”»: Гоголь и Анна Виельгорская» он высказал мнение о том, что у писателя были самые серьезные намерения жениться на младшей дочери графа М. Ю. Виельгорского: Гоголь предполагал жить с ней в «белом браке». «Белым браком» сочетались некоторые его знакомые, в том числе, граф А. П. Толстой, у которого писатель провел последние годы своей жизни.

Связи позднего Гоголя с представителями православной церкви нашли отражение в докладе А. Х. Гольденберга «Гоголь и Иннокентий (Борисов)». Автор охарактеризовал свое выступление как введение в тему, еще не вошедшую в научный оборот. В последовавшей за выступлением дискуссии прояснилась связь этой темы с «апостольским проектом» Гоголя (идея П. В. Михеда). Исследователи решили, что установление контактов со служителями церкви входило в гоголевскую общую программу реформации духовной жизни общества.

¹ Ю. Лотман, «О “реализме” Гоголя», *Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение 2* (Новая серия), Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 1996, с. 11.

Проблемы биографического и текстологического порядка были поставлены в докладе Ю. В. Балаксиной «С. П. Шевырев, Аксаковы и история распространения “Авторской исповеди” в списках» и в выступлении В. Д. Денисова «Николай Прокопович – первый из ближайших». Автор второго сообщения высказал предположение, что первая поэма Гоголя *Ганс Кюхельгартен*, на самом деле была написана или Прокоповичем, или в соавторстве с Прокоповичем.

Факт появления в конце XX века буквально заново переписанной биографии Гоголя (особенно это касается последнего десятилетия жизни писателя) выявил проблемы самого биографического дискурса, поставленные на пленарном заседании конференции. И. А. Виноградов в докладе «П. В. Анненков – биограф Гоголя» поднял вопрос о том, можно ли доверять мемуарам Анненкова, если он принадлежал к тому идеологическому лагерю, который не принимал и критиковал позднего Гоголя. В гоголеведении существует тенденция противопоставлять двух мемуаристов – В. П. Анненкова и С. Т. Аксакова, расставивших разные акценты в интерпретации личности и жизни писателя. Однако, как замечали после выступления Виноградова другие участники конференции, отказаться от воспоминаний Анненкова означало бы отказаться от Гоголя-артиста, образ которого для многих сформировался благодаря знаменитому «Гоголю в Риме в 1841 году». Рассмотрение проблемы мемуарного образа Гоголя продолжило **выступление И. Видугирите** «Гоголь в роли Гоголя: стратегии мемуарного письма». Докладчица выделила три основные роли писателя в русской культуре первой половины XIX века – украинец, художник, комик, которые отразили богатство артистической природы Гоголя, но одновременно ограничили восприятие его личности и творчества. В докладе Д. В. Кобленковой «Биографическое исследование А. Труайя “Николай Гоголь” и традиции

русского литературоведения» была критически проанализирована книга французского писателя, не сумевшего или не желавшего, по мысли докладчицы, постичь всю сложность и противоречивость гоголевской жизни и личности.

Биографические исследования, как правило, включают в себя и реконструкцию идеологического климата эпохи. Гоголь в таком контексте часто выступает как фигура ключевая – не только гениальный художник, но и глубокий мыслитель, прекрасно ориентировавшийся в политической и идеологической картах Европы, самостоятельно строивший программу преобразования общественной жизни в России. Сравнительный анализ нравственных и государственных воззрений Гоголя с позицией и идеологией его современников раскрывает своеобразие его взглядов и одновременно высвечивает особенности развития общественной мысли в России в целом. Именно этот аспект был ярко представлен в докладе Е. И. Анненковой «Гоголь и Александр Тургенев (к проблеме русского европеизма)» и в выступлениях С. О. Шведовой «Исторический живописец Иванов в перспективе двойного зрения: Гоголь и Герцен» и Н. О. Осиповой «“Итальянский ландшафт” русской культуры (Н. Гоголь и Ап. Григорьев)». В последнем докладе было показано, что идеологическая оппозиция Гоголю в лице Аполлона Григорьева нашла выражение в его итальянских впечатлениях, построенных как антитеза гоголевским. Впоследствии, уже в XX века, эта же оппозиция выразилась в противостоянии Блока и Белого.

Связи Гоголя с его современниками оставили след и в сочинениях писателя. Гоголь тщательно скрывал свою творческую лабораторию, не называл имена авторов тех произведений, которые, как можно понять из сравнительного анализа текстов, были прочитаны им внимательно и творчески применены. После доклада В. И. Мацапуры «“Ревизор” Н. В. Гоголя и “Приезжий из столицы” Г. Ф. Квитки-Основьяненко (ти-

пология сюжетов и образов)» встал естественный вопрос, знал ли Гоголь о комедии Квитки, которая была написана и поставлена в 1828 году. Документальных подтверждений этому нет (как и в случае с Григорием Сковородой), однако все единогласно и с веселым пафосом разоблачения решили: знал, конечно, знал.

Другая большая тема современного гоголеведения – Гоголь и Украина. Спор о принадлежности Гоголя к одной или другой национальной традиции на этот раз не возник. Пожалуй, для *Гоголевских чтений* он уже решен, однако интерес к названной теме не утерян. Ее открыл Ю. Я. Барабаш докладом «Гоголевский дискурс Ивана Франко (Гоголь в украинском литературном сознании)», в котором привел и проанализировал высказывания Франко о Гоголе, в частности, его впечатления от «Ревизора» и комедий Островского. По мнению Франко, комедия Гоголя понятна западной цивилизованной публике, а Островский же непонятен потому, что у Гоголя за смехом скрываются слезы, а у русских за смехом таится гнев. Однако Гоголя Франко называл «гениальным украинцем русским писателем». По мнению докладчика, до сих пор не выработан подход, который бы сочетал Гоголя украинского с Гоголем русским, и две эти линии в гоголеведении не смыкаются. С точки зрения другого украинца, П. В. Михеда, в этом нет никакой беды, наоборот, от этого исследования расширяются, а Гоголя всем достанет, он неисчерпаем. Сам Михед, разрабатывавший в предыдущих исследованиях концепцию гоголевского барокко, в последнее время развивает тему римского периода в жизни и творчестве Гоголя. В докладе «Гоголь и поляки: Богдан Янский – идеолог “из мертвых встанцев”» исследователь сосредоточился на отношениях Гоголя с польскими эмигрантами, организовавшими орден для служения отчизне на поприще практической деятельности. По мнению Михеда, именно после общения с поляками Гоголь стал вырабатывать свой

собственный план духовного возрождения России, который можно считать проектом русской реформации.

Польско-украинская проблематика была развернута и в выступлении В. Я. Звиняцкого «Гоголь и Дубно», в котором на основе анализа историографических источников были представлены факты участия предка Гоголя в исторических событиях, которые впоследствии нашли отражение в «Тарасе Бульбе».

Сложность и неоднозначность темы «Гоголь и Украина» были высвечены в докладе О. Л. Калашниковой «Этнокультурный колорит или поликультурная открытость (тема “бабьих уверток” в интерпретации Гоголя)». Исследовательница показала, что фольклорный материал, которым пользовался писатель при изображении ведьм, распутных дьячих и т.п., был, как правило, чужим, этимологически мультикультурным, пришедшим в Украину через посредничество низового романа и лубка.

Третья большая тема гоголеведения – поэтика Гоголя. Доклад Ю. Б. Орлицкого «Прозаическая миниатюра в творчестве Гоголя и его окружения (Жуковский, Киреевский, Брянчанинов)» указал на жанр, который объединил у позднего Гоголя все то, что в недавнем издании *Неизданный Гоголь* помечается как незаконченное, отрывок, фрагмент и т.п. Оригинальность гоголевской модели мира, в которой нет времени, а только удивительная способность пространства к расширению, стала предметом выступления В. Ш. Кривоноса «Мифология места в уездных историях В. Одоевского и Н. Гоголя». Своего рода продолжением и обобщением такого рода проблематики прозвучал доклад А. С. Киченко «Гоголевское в русском романтизме». В дискуссии после доклада было замечено, что романтические категории *бесконечности, свободы*, из которых докладчик выводит эстетику писателя, в случае Гоголя могут быть замещены другими, такими как *вечность, смирение*, и тогда творчество писателя можно соотносить

уже с другой системой, например, с барокко. Киченко согласился с этим, заметив, что в таком случае, вся его концепция рухнет, и доклад придется писать заново.

Косвенной отсылкой к эстетике и поэтике барокко прозвучали три доклада о связях прозы Гоголя с живописью. В докладе Т. Э. Демидовой «Происхождение и смысл одной цветовой метафоры в поэме Гоголя (Гоголь и Айвазовский)» речь шла о цвете «наваринский дым с пламенем» или «пламень с дымом», который писатель выбрал для костюма Чичикова во втором томе *Мертвых душ*. Исследовательница указала на связь этой цветовой метафоры со знаменитыми картинами И. К. Айвазовского 1848 г. «Наваринский бой» и «Чесменский бой». В докладе «Живописец по имени Гоголь» итальянская исследовательница Дж. Страно показала очевидные параллели прозы Гоголя с современной ему живописью, а выступление ее соотечественницы Р. Джулиани «Гоголь и “девушка из Альбано”» раскрыло тайну Аннунциаты гоголевского «Рима». Исследовательница установила, что писатель «срисовал» этот образ с изображений известной в Риме натурщицы Виттории Кальдони (1805–1870-ые гг.), о которой один из художников говорил, что искусство не в силах создать ее портрет. Тем не менее, осталось 44 портрета Виттории, которые позволяют утверждать, что Гоголь своим словом «оживил» одну из картин с ее изображением.

Скрытую барочную тему конференции завершил доклад А. А. Кораблева «Гоголь и магический круг литературы». Мысль

исследователя состояла в том, что в определенный момент эстетическое совершенство выводит литературу за пределы эстетического. Область, в которую она попадает, Кораблев называет магической. Для творца она, как правило, несет смерть. Такое произошло с Булгаковым, такое произошло и с Гоголем. С моей точки зрения, невозможно в этой концепции не увидеть проявление барочного разума и отражение барочного мироздания, выстроенного Ж. Делезом в *Складке. Лейбниц и барокко*, хотя автор доклада, пожалуй, с этим не согласился бы.

Научная программа конференции была обрамлена двумя замечательными культурными мероприятиями. В первый день участники конференции посмотрели великолепный спектакль «Игроки», поставленный *Студией театрального искусства* Сергея Женавача. Пьеса шла в роскошно реконструированном и в театр преобразованном здании старого завода XIX века. На сцене стоял бюст Гоголя, к которому игроки подходили, надевали на него шляпу, вешали пальто, и почему-то казалось, что этот театральный Гоголь тихо возмущается. В конце спектакля он не выдержал и отвернулся. Эффект был потрясающий, несмотря на неясное предчувствие, что именно этот Гоголь здесь что-нибудь должен выкинуть. А венчала конференцию поездка в музей-усадьбу «Архангельское», куда автор этих строк не смогла поехать. Поэтому и заканчивает свои осенние заметки о весенних впечатлениях в Москве.

Инга Видугирите